

25 OCT 1969

СЕРГЕЙ МИХАИЛОВИЧ ЖАРОВ

В РАБОЧЕМ кабинете народного артиста СССР Михаила Ивановича Жарова тихо. От пола до потолка выстроились книги. На столе ворох приглашений, писем, напоминаний. Почта распечатана, и с разрешения хозяина дома я с ней знакомлюсь.

Записка из Всесоюзного дома актера, правление которого Жаров возглавляет уже много лет; телефонограмма, напоминающая артисту о собрании в Малом театре, — коммунисты этого старейшего в стране театрального коллектива избрали Жарова секретарем партийной организации. Молодежная секция Театрального общества просит Жарова принять участие в диспуте, французское посольство в Москве приглашает на прием, сценаристы юбилейного для актера фильма «Михаил Жаров» расказывают «успешаются» о дне и месте встречи.

Но больше всего писем от зрителей. На одном конверте доволь-

МОЛОДОЙ ТАЛАНТ МИХАИЛА ЖАРОВА

но странный адрес: «Москва. Деревенскому детективу. Жарову М. И.». Не удивляйтесь, письмо дошло. У Жарова популярность необыкновенная. Его имя вызывает воспоминание о фильмах, вошедших в золотой фонд советского кинематографа: «Путевка в жизнь», «Гроза», «Петр Первый», «Трилогия о Максиме», «Богдан Хмельницкий», «Иван Грозный», «Васса Железнова» и многих других. Михаил Жаров снялся в 80 фильмах.

— В юные мои годы, — рассказывает М. И. Жаров, — путь к профессии был долгим. В так называемом высшем обществе юноши после окончания школы шли в специальные учебные заведения или в университет. А в рабочих семьях все было иначе. Прежде чем стать артистом, я был и продавцом, и печатником, и администратором, и наборщиком. Отец, проработавший печатником всю жизнь, вел меня в самых высо-

ких своих мечтах директором типографии.

Должен сказать, что родители предоставляли мне полную свободу в выборе профессии и лишь с тревогой наблюдали за всеми моими увлечениями. Они же были моими первыми зрителями на частных дворовых спектаклях.

Я испытал много сомнений, прежде чем решил стать актером. Да и после того сомнения не было конца.

Итак, главной школой для Жарова стала жизнь, а главной страстью — сцена. Еще до революции, работая помощником администратора в частной опере Зимина, юный мечтатель из-за кулис не сводил глаз с Шалапина или Собинова в дни их гастролей и на всю жизнь запомнил жесты, грим, мимику многих великих мастеров русской сцены.

Только в 1918 году, на втором году революции, Жаров становится наконец студентом. Его приняли в

Театральную студию художественно-просветительного союза на первый курс... балетного отделения. Но поскольку студия готовила артистов для синтетического театра, его параллельно зачислили и на драматическое отделение.

В ту пору молодая Советская республика отбивалась от интервентов и белогвардейцев. Желание быть полезным привело Жарова в 1920 году на Восточный фронт гражданской войны (он выступал в труппе Первого фронтового передвижного театра), а затем — в рабочий район Москвы, в театр у Рогожской заставы. Позже он попал в большой театральный коллектив, руководимый Всеволодом Мейерхольдом.

Большую профессиональную школу прошел Жаров в театрах в Баку, в Казани, куда

он уехал, чтобы поработать самостоятельно. Одна из ролей, сыгранных во втором сезоне в Баку, — Вася-Окоп в спектакле «Брошпоезд 14-69» — стала, по выражению артиста, счастливой для него: именно тогда он уверовал в себя.

— Я впервые так полно жил в роли, — говорит Михаил Иванович, — мог делать в ней все, что захочу. Мог исключить себя из обстоятельств пьесы... и все равно продолжал бы оставаться Васей-Окопом и действовать, как он, и говорить, как он, и поступать в каждом особом случае по его природе.

Вернувшись в Москву в начале 30-х годов, уже сложившийся яркий актер, полюбившийся зрителям во многих характерных ролях, Жаров встретился с Таировым, руководителем Камерного театра. Историческим спектаклем этого театра стала «Оптимистическая трагедия»

Всеволода Вишневского. Роль Алексея играл Михаил Жаров. Эта его работа вызвала огромный поток хвалебных рецензий, некоторые из них хранятся у Михаила Ивановича и сейчас.

В чем же сила жаровского обаяния? В одном из своих высказываний, которое относится к самым первым его шагам в театре, он выдает этот «секрет»:

— Мне самому интересно, смешно и радостно играть.

Такова природа светлого таланта артиста. Ощутить правду жизни, уловить столь тонкое и ценное в искусстве «чуть-чуть» Жарову помогло кино. Очень пригодился в кино и дар импровизации, которым щедро наделен актер.

Артиста иногда упрекают в том, что он увлекается внешней де-

талью, придающей ролю острую характерность. Но это оправданно тем, что иная деталь помогает актеру найти нужное творческое самочувствие. Жаров говорит:

— Как только мне наводили сыняк под глазом (сцена игры на бильярде в трилогии о Максиме), я испытывал какое-то особое удовольствие: бильярд, пиво, сыняк, пьяный угар. Вася-наполовину, на которого можно опраться, — все это создавало атмосферу, где мой Дымба чувствовал себя, как рыба в воде.

Любопытно, что, оглядываясь на пройденный в искусстве путь, Жаров любит говорить не о тех ролях, которые он сыграл, а о тех, которые ему хотелось бы сыграть.

— Хорошо бы попробовать себя Фальстафом или королем Лиром, а еще лучше — сыграть бы в полную силу своего современника! Ведь есть же роли, в которых, как говорят артисты, можно купаться. О них мечтаешь всю жизнь.

В искусстве всегда были и есть вдохновенные труженики. Жаров из этой плеяды. Его девиз — «своим искусством побеждать зло, делать жизнь лучше».

— Многие думают, — говорит он, — что моя общественная жизнь течет параллельно профессиональной. Ничего подобного. Именно конфликты жизни и проявление ее светлых сторон, все героическое, смешное, нелепое, возмутительное и трагическое, с чем сталкиваешься в жизни, поддерживает огонь творчества, помогает искусству.

Последняя из завершенных работ — роль сельского милиционера Федора Анискина в фильме «Деревенский детектив» — вдохновила актера именно этой ясной и активной гражданской позицией.

Прошло несколько месяцев, и снова актер на съемочной площадке. Отретецированы все детали. Слышится знакомая команда:

— Свет! Начинаем новый дубль!

И. ХАЗИЗОВА.
(АПН).